

ГИДРОЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Ракин Анатолий Николаевич,

*доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка
Института языка, литературы и истории*

*ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»
(г. Сыктывкар, РФ), anatolij.rakin@mail.ru*

Введение. Ландшафтная лексика относится к основному словарному фонду любого естественного языка. Она предназначена для номинации как природных географических объектов, так и антропогенных, возникших в результате человеческой деятельности. В соответствии с субстанциональными признаками в составе ландшафтной лексики можно разграничить две макросистемы – гидроландшафтную лексику и лексику суши. Каждый из этих компонентов имеет внутреннюю структуру, различающиеся как по составу, так и количественными показателями.

Материалы и методы. Предметом лингвистического анализа в статье является гидроландшафтная лексика удмуртского языка (239 номинативных единиц), которая не относится к категории собственных имен существительных, а является нарицательными словами и содержится в словарях общеупотребительной лексики. В работе использовались сравнительно-исторический, синхронно сопоставительный, описательный и статистический методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Исходя из предметно-понятийного содержания номинативных единиц нами выделяются и рассматриваются две категории гидронимов. Одна из них является системообразующей или доминантной, она представляет собой обозначения основных типов водных объектов данной территории. Вторая группа сосредоточена вокруг доминантных единиц и выступает по отношению к ним внутрисистемными образованиями. Основу гидроландшафтной лексики удмуртского языка составляют обозначения исконного происхождения. Древний пласт названий, состоящий из прауральских, прафинно-угорских и прапермских слов, имеет генетические соответствия как в пермских, так и в большинстве современных финно-угорских языков. Поздние образования появляются в период самостоятельного существования исследуемого языка, после его расхождения с близкородственными коми-зырянским и коми-пермяцким. Начало формирования иноязычного компонента относится к общепермской эпохе, большинство неисконных названий являются поздними заимствованиями, проникшими из русского и тюркских языков. Другие типы заимствований (прибалтийско-финские, обско-угорские, самодийские) здесь отсутствуют.

Заключение. Формирование и развитие гидроландшафтной лексики удмуртского языка происходило в течение многих тысячелетий на основе внутренних ресурсов. В качестве внешних источников ее пополнения послужили древнеиранские, тюркские и русский языки.

Ключевые слова: удмуртский язык; лексика; гидроландшафтные обозначения; исконный фонд; заимствования.

Для цитирования: Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика удмуртского языка // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 268–276.

Введение

Ландшафтная лексика занимает важное место в словарном фонде любого языка, независимо от наличия у него литературно-письменной формы. Она предназначена для номинации как природных географических объектов (например, *река, возвышенность, болото*), так и антропогенных, возникших в результате человеческой деятельности (например, *водохранилище, пруд, село, огород*).

В соответствии с субстанциональными признаками (вода, земля) в составе ландшафтной лексики можно выделить

два компонента, представляющих собой самостоятельные макросистемы, – гидроландшафтную лексику и лексику суши. Каждая из этих макросистем имеет внутреннюю структуру, отличную как по составу, так и по количественным показателям.

Цель исследования: определить состав и провести систематизацию гидроландшафтной лексики удмуртского языка, установить истоки и основные этапы формирования и развития данной лексико-тематической группы.

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что технология разработки данной темы может быть использована на материале как родственных, так и неродственных языков.

Обзор литературы

Ландшафтная лексика пермских языков, в том числе удмуртского, до сих пор не являлась предметом специального исследования. К изучению данной темы в пермском языкознании приступили совсем недавно. Результаты исследований, проведенных на материале коми языков, к настоящему времени опубликованы в двух статьях [1; 2].

Материалы и методы

Основным источником фактического материала послужил словарный фонд удмуртского литературного языка, содержащийся в лексикографических изданиях (Борисов, 1991; РУС; УРС¹). Дополнительные данные нами получены в результате опроса некоторых носителей удмуртского языка по специально разработанному вопросу.

Сопоставительные примеры приводятся из словарей коми языков (КПРС; КПРС–РКПС; КРК; РКС). Диахроническая классификация исконной части гидроландшафтной лексики выполнена с использованием реконструкций из этимологических источников (КЭСКЯ; ЭСУЯ; Rédei, 1988; Uotila, 1938). Состав гидронимов иноязычного происхождения и их источники устанавливались с помощью исходных обозначений, выявленных из источников по русскому и тюркским языкам (РБС; РТС; СРЯ; Тараканов, 1993; ТРС).

Одним из инструментов разработки генезиса словарного состава, в том числе ландшафтной лексики, является сравнительно-исторический метод исследования. С его помощью определялись исконный фонд и иноязычный компонент. В составе исконной части такой подход позволяет установить хронологические

пласты древней лексики и выявить названия позднего происхождения, не имеющие генетических соответствий в других языках. Анализ слов неисконного происхождения преследует цель рассмотреть состав и источники заимствований. Нами применялись также синхронно-сопоставительный, описательный и статистический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Гидроландшафтная лексика удмуртского языка состоит из 239 номинативных единиц, относящихся к шести типам водных объектов: *шур* ('река'), *пичи шур* ('ручей'), *ошмес* ('родник'), *ты* ('озеро'), *тышур* ('водоем'), *тымет* ('пруд'). Обозначения более крупных водных пространств, не имеющих на исследуемой территории, в лексикографических источниках даются, но они, как правило, являются не исконными словами, а заимствованиями, например: *зарезь* 'море' (УРС, с. 226), *море* 'море' (РУС, с. 461), *океан* 'океан' (УРС, с. 492). Следует отметить, что ландшафтные обозначения не относятся к категории собственных имен (топонимов), а являются нарицательными словами и всегда включаются в словари общеупотребительной лексики. Некоторые из них участвуют в образовании топонимов, например: *Быгишур* 'река Быгинка', *Вишур* 'Вишурка', *Кечешур* 'Кечевка', *Кыквишур* 'Кыквинка'; *Порву*, *Ува* – названия рек; *Кузьты*, *Котыресты*, *Юсьты* – названия озер и т. д. В подобных случаях гидроландшафтные обозначения с топоосновами обычно пишутся слитно и считаются апеллятивами.

Удмуртская гидроландшафтная лексика не однородна по составу. Обозначения основных типов водных объектов (*шур* 'река', *пичи шур* 'ручей', *ты* 'озеро', *тышур* 'водоем', *ошмес* 'родник', *тымет* 'пруд') являются системообразующими или доминантными словами. Остальная гидроландшафтная лексика сосредоточена вокруг доминантных названий и образует соответствующие подсистемы или внутрисистемные разряды.

¹Здесь и далее в примерах ссылки на словари (см. Список сокращений в конце статьи) приводятся в круглых скобках.

На материале удмуртского языка можно выделить следующие группы подсистемных обозначений:

1) названия составных частей водных объектов, например: *өр* 'русло' (УРС, с. 503), *пыдэс* 'дно' (УРС, с. 568), *вудур* 'берег' (УРС, с. 142), *йыл* 'исток' (УРС, с. 263), *усён* 'устье' (УРС, с. 702), *зылйнты* 'плес' (УРС, с. 234) и т. д.;

2) слова, обозначающие гидрообъекты, например: *вай* 'приток' (УРС, с. 99), *вужёрты* 'старица' (УРС, с. 143), *сюм* 'залив' (УРС, с. 628), *висёр* 'проток' (УРС, с. 123), *вуусён* 'водопад' (УРС, с. 146) и др.;

3) названия, отражающие отличительные черты объектов номинации, их конфигурацию, например: *изо ярдур* 'каменистый берег', *чошкыт пыдэс* 'ровное дно', *ме́й ярдур* 'крутой берег', *шурберыг* 'изгиб реки', *чутыръяськыса виясь шур* 'извилистый ручей' и др.;

4) названия, выражающие те или иные количественные признаки обозначаемых объектов, например: *паськыт шур* 'широкая река', *лазег пичи шур* 'мелкий ручей', *бадзым ты* 'большое озеро', *мур вукож* 'глубокий омут' и др.;

5) названия, выражающие качество и свойства воды, ее уровень в тот или иной период времени, характер протекания, например: *дун вуо ты* 'олигофторное озеро', *сумедо ты* 'илистое озеро', *ог бызись шур* 'быстрая река', *тудву* 'половодье' (УРС, с. 657), *вутудзон* 'паводок' (УРС, с. 146), *вулэн кошкемез* 'спад воды', *кӧс ву* 'межень', *виз* 'стрежень' (УРС, с. 118) и др.;

6) названия, указывающие на наличие препятствий на пути водного потока, на ее вихревое движение в местах столкновения встречных течений, например: *уть* 'порог' (УРС, с. 706), *вуберган* 'водоворот' и т. д.;

7) названия, указывающие на местоположение объекта номинации, например: *нюлэс шур* 'лесная речка', *ардо* 'небольшое озеро на сыром лугу' (УРС, с. 46), *ту-пал* 'тот берег' (УРС, с. 662), *таись ярдур* 'этот берег' и т. д.

Примеры, приведенные выше, свидетельствуют о том, что часть из них является общей для всех или многих доминантных объектов, например: *пыдэс* 'дно

(реки, ручья, озера, водоема)', *ву* 'вода (реки, ручья, озера, родника)', *йыл* 'исток (реки, ручья)' и т. д. Для конкретизации семантики и соответственно обозначаемых объектов номинации они употребляются, как правило, в сочетании с системообразующими названиями, например: *шур ву* 'речная вода', *пичи шур ву* 'ручьевая вода', *ты ву* 'озерная вода', *ошмес ву* 'родниковая вода'; *шур пыдэс* 'дно реки', *пичи шур пыдэс* 'дно ручья', *ты пыдэс* 'дно озера' и т. д.

Далее рассмотрим состав гидроландшафтной лексики удмуртского языка более подробно.

I. Системообразующие гидронимы

1. *Шур* 'река' (УРС, с. 783), кз. *шор* 'ручей' (КРК, с. 741), кп. *шор* 'ручей' (КПРС, с. 565) < общеп. *šor 'ручей, поток, течение, река' (КЭСКЯ, с. 322); генетическое соответствие также имеется в венгерском языке; ф.-у. *šerz (šärz) 'ручей' (Rédei, 1988, с. 499). В удмуртском языке произошло изменение семантики исходного прафинно-угорского слова: ручей > река.

2. Ю-: *ю-шур* 'река' (КЭСКЯ, с. 334), кз. *ю* 'река' (КРК, с. 773), кп. *ю* 'река' (КПРС, с. 586) < общеп. *ju 'река' (КЭСКЯ, с. 334); генетические соответствия также имеются в финском, эстонском, саамском, эрзя-мордовском, марийском, хантыйском, мансийском, венгерском, ненецком, селькупском, камасинском языках; ур. *joke 'река' (Rédei, 1988, с. 99). В словарях современного удмуртского языка гидроним *ю-шур* не приводится, вместо него в настоящее время употребляется слово *шур* 'река', которое с коми названиями *ю* этимологически не связано.

3. *Ты* 'озеро' (УРС, с. 132), кз. *ты* 'озеро' (КРК, с. 671), кп. *ты* 'озеро' (КПРС, с. 499) < общеп. *tü 'озеро' (КЭСКЯ, с. 292); генетические соответствия также имеются в хантыйском, мансийском, венгерском, ненецком, селькупском, камасинском языках; ур. *towz* 'озеро' (Rédei, 1988, с. 533).

4. *Ошмес* 'родник' (УРС, с. 325), кз. *мӧс* 'родник' (КРК, с. 402), кп. *ӧшмӧс* уст. 'ключ, источник' (КПРС, с. 309) < общеп. *öšmäs 'источник, ключ' (КЭСКЯ, с. 213).

По мнению коми этимологов, первоначально данный гидроним являлся сложным словом, компоненты которого были синонимами ('приток' – 'источник'), но уже в общепермское время они дестимологизировались (КЭСЯ, с. 213). В современном коми-зырянском языке это название родника употребляется без первого компонента.

5. *Тымет* 'пруд' (УРС, с. 669), кз. *тымёд* 'загородка по бокам силка', 'завал (при охоте на крупных животных)' (КРК, с. 673) < общеп. **tümet* 'загородка, запруда' (КЭСЯ, с. 293). В коми-пермяцком языке генетическое соответствие отсутствует. В качестве гидроландшафтного обозначения данное слово употребляется только в современном удмуртском языке, поэтому его следует считать собственно удмуртской новацией.

6. *Чытет* 'пруд' (УРС, с. 756), кз. *тишуп* 'учуг; рыболовная загородка, запруда' (КРК, с. 669) < общеп. **čur-* 'рыболовная загородка; пруд'. Удмуртское и коми слова являются отглагольными образованиями от **čurini* (**čürini*) 'запрудить, загородить' (кз., кп. *тишупны* 'зарубить; рубить', удм. *чыпыны* 'запрудить, прудить') (КЭСЯ, с. 291).

7. *Пруд* 'пруд' (РУС, с. 551) < рус., ср.: *пруд* 'небольшой искусственный водоем, а также место разлива реки, ручья перед запрудой' (СРЯ, т. 3, с. 549).

Таким образом, в составе рассмотренной группы системообразующих гидронимов удмуртского языка, состоящей из 7 обозначений, лишь одно слово является заимствованием (*пруд*), остальные представляют собой исконные образования, унаследованные из прауральского (*ю-*, *ты*) либо из прафинно-угорского (*шур*), либо из прапермского (*ошмес*, *тымет*, *чытет*) языка.

II. Внутрисистемная гидроландшафтная лексика

Данная категория обозначений по сравнению с предыдущей группой более разнообразна по составу и намного превосходит ее в количественном отношении, сюда относятся 232 номинативные единицы. Как и предыдущая группа, она со-

стоит из исконных названий и заимствований.

1. Исконный фонд внутрисистемной гидроландшафтной лексики с точки зрения происхождения представляет собой многослойную структуру. В соответствии с хронологией возникновения в его составе, как и во многих других разрядах словарного состава исследуемого языка, различаются допермские, общепермские, пракоми и собственно удмуртские образования. Допермские, прапермские и пракоми обозначения составляют общее наследие всех трех или двух современных пермских языков. Собственно удмуртские – поздние названия, возникшие после распада прапермской языковой общности.

К числу гидронимов допермского происхождения в удмуртском языке относятся два слова прауральского и прафинно-угорского происхождения:

ву 'вода' (УРС, с. 141), кз. *ва* 'вода' (КРК, с. 76), кп. *ва* 'вода' (КПС, с. 52) < общеп. **va* (*vã*) 'вода' (КЭСЯ, с. 46); генетические соответствия имеются также в финском, эстонском, мордовских, мансийском, венгерском, ненецком, камасинском языках; ур. **wete* 'вода' (Rédei, 1988, с. 570).

калым 'залив в реке (озере); омут; лужа' (УРС, с. 277), кз. *тыкõла* 'небольшое озеро (образованное из пересохшей старицы); мелкий залив' (КРК, с. 672) < общеп. **kõl-* 'маленький залив, маленькое озеро' (КЭСЯ, с. 140). В коми-пермяцком языке генетическое соответствие отсутствует. Коми-зырянский пример состоит из двух частей: *ты* 'озеро' (см. этимологию выше) и *кõла* (дестимологизированное слово, в современном коми языке самостоятельно не употребляется и никак не осмысливается). Удмуртское и коми-зырянское названия сопоставляются с хантыйскими и мансийскими генетическими словами; ф.-у. **kälz* '(заболоченное) озеро, залив' (Rédei, 1988, с. 134).

Что касается обозначений прафинно-пермского происхождения, сохранившихся в других пермских языках, в современном удмуртском языке они не

употребляются (видимо, они были утрачены или заменены другими словами). В качестве доказательства данного факта можно привести следующие примеры:

ф.-п. **woša* ‘разветвление (реки, дороги)’ (Rédei, 1988, с. 825) > общек. **вож* ‘приток’ (КЭСЛЯ, с. 60) > кз. *вож* ‘приток’ (КРК, с. 109), кп. *вож* ‘приток’ (КПРС, с. 77). В удмуртском языке приток обозначается словом *чальдэт* (УРС, с. 467), которое с коми названиями этимологически не связано;

ф.-п. **čə|z-* (КЭСЛЯ, с. 89) > общек. **žul* ‘омут’ (КЭСЛЯ, с. 89) > кз. *джум* ‘омут’ (КРК, с. 175), кп. *джум-*: *джумдор* ‘обрыв, крутой берег’ (КПРС, с. 118);

ф.-п. **jirz* (*jürz*) ‘глубокое место в воде’ (Rédei, 1988, с. 635) > общек. **j2r* ‘омут’ (КЭСЛЯ, с. 111) > кз. *йур* ‘омут’ (КРК, с. 247), кп. *йур* ‘омут’ (КПРС, с. 157). Последние два примера коми языков генетических соответствий в удмуртском языке тоже не имеют, там значение ‘омут’ выражается словом *кож* (УРС, с. 203).

Гидронимическая лексика общепермского происхождения сформировалась в прапемскую эпоху. Номинативные единицы данной диахронической группы употребляются только в современных пермских языках и дальнеродственных соответствиях не имеют. Кроме однословных структурных типов сюда относятся составные обозначения.

Подгруппа однословных гидронимов состоит из следующих названий:

визыл ‘стремнина’ (УРС, с. 118), кз. *визув* ‘течение, быстрина’ (КРК, с. 101), кп. *визыв* ‘быстрое течение, быстрина’ (КПРС, с. 73) < общек. **vizsl-* ‘быстрина’ (КЭСЛЯ, с. 56);

өр ‘русло’ (УРС, с. 503), кз. *ворга* ‘русло’ (КРК, с. 114), кп. *өр* ‘русло’ (КПРС, с. 306). В «Кратком этимологическом словаре коми языка» В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева общепермская праформа не реконструируется (КЭСЛЯ, с. 63). Коми-зырянское слово является суффиксальным образованием. Непроизводная форма содержится в словосочетании *ворйысь петны* ‘разлиться, выйти из берегов (о реке)’ (КРК, с. 396), ‘букв.: выйти из русла’;

йыл ‘исток, верховье’ (УРС, с. 175), кз. *йыв* ‘исток’ (КРК, с. 317), кп. *йыв* ‘верховье, исток’ (КПРС, с. 160) < общек. **jül* ‘верховье’ (КЭСЛЯ, с. 113);

чальды ‘приток реки’ (УРС, с. 719), кз. *чаль диал.* ‘ответвление, рукав (ручья)’ (КРК, с. 695), *чальёг* ‘приток ручья’ (КЭСЛЯ, с. 301), кп. *чальёг* ‘ответвление (оврага), ложбинка’ (КПРС, с. 525). Все перечисленные гидронимы пермских языков, видимо, имеют один и тот же этимологический источник: общек. **č'al'* ‘ответвление, рукав (реки)’ (КЭСЛЯ, с. 301). В коми-пермяцком языке, видимо, произошло изменение первоначального гидронимического значения данного слова, и оно перешло в разряд ландшафтной лексики суши.

Составные образования общепермского происхождения, как правило, состоят из двух слов, которые имеют самостоятельное употребление, в этимологических изданиях не рассматриваются, несмотря на их наличие во всех пермских языках и совпадение как по семантике, так и по структуре. Эти примеры свидетельствуют о том, что они могут быть такими же древними названиями, как и однословные лексические единицы, и могут подвергаться этимологизации. Данная группа гидронимов состоит из следующих номинативных единиц:

колан инты ‘брод’ (УРС, с. 253), кз. *келанин* ‘брод’ (КРК, с. 267) < общек. **kelan-in* ‘брод’. В коми-пермяцком языке генетическое соответствие не употребляется, данный гидрообъект здесь обозначается словом *вуджанин* (см.: КПРС, с. 87);

кӧс ву ‘межень, мелководье’, кз. *кос ва* ‘межень’ (КРК, с. 293), кп. *кӧс ва* ‘межень, мелководье’ < общек. **kõsk-va* ‘межень, мелководье’;

ты дур ‘берег озера’ (УРС, с. 191), кз. *ты дор* ‘берег озера’ (КРК, с. 194), кп. *ты дор* ‘берег озера’ < общек. **tü-dor* ‘берег озера’;

ты йыл ‘верховье озера’, кз. *ты йыв* ‘верховье озера’ (КРК, с. 253), кп. *ты йыв* ‘верховье озера’ < общек. **tü-jül* ‘верховье озера’;

ты пыдэс ‘дно озера’, кз. *ты пыдӧс* ‘дно озера’, кп. *ты пыдӧс* ‘дно озера’ < общек. **tü-püdes* ‘дно озера’.

В диахронической иерархии исследуемой лексической системы самый верхний (или поздний) слой составляют собственно удмуртские названия, которые возникли после отделения от коми-зырян и коми-пермяков.

На основе структурных особенностей в группе собственно удмуртских обозначений можно выделить три типа образований: однословные (непроизводные и производные) гидронимы; композиты или двучленные названия в слитном написании; составные номинативные единицы, состоящие из двух или трех слов.

Первая подгруппа состоит из следующих слов: *вай* 'приток' (УРС, с. 99), *виз* 'стрежень; стремнина; перекаат' (УРС, с. 118), *дур* 'берег' (УРС, с. 191), *кож* 'омут' (УРС, с. 309), *кӧс* 'мель' (УРС, с. 329), *ныр* 'коса; отмель' (УРС, с. 474); *бызён* 'течение' (УРС, с. 92), *колан* 'брод' (УРС, с. 311), *кырет* 'канал' (УРС, с. 377), *пӧзён* 'ключ, родник' (УРС, с. 543), *усён* 'устье (реки)' (УРС, с. 702) и др.

Примеры обозначений композитной структуры: *армес* 'родник' (УРС, с. 46), *вайшур* 'приток' (УРС, с. 99), *вуберган* 'водоворот' (УРС, с. 142), *вувьжон* 'брод' (УРС, с. 142), *вужӧрты* 'старица' (УРС, с. 142), *вукошкон* 'поток' (УРС, с. 144), *вупукон* 'лужа' (УРС, с. 145), *вусин* 'ключ, родник' (УРС, с. 146), *зылӧнты* 'плес' (УРС, с. 234), *зоздор* 'берег (реки)' (УРС, с. 242), *йыразь* 'верховье' (УРС, с. 266), *мувис* 'пролив' (УРС, с. 439), *ӧрвай* 'рукав (реки)' (УРС, с. 503), *ӧрты* 'старица' (УРС, с. 504), *тудву* 'половодье; паводок' (УРС, с. 657), *тупал* 'тот берег' (УРС, с. 556), *тышур* 'водоем' (УРС, с. 674), *шурберыг* 'изгиб реки' (УРС, с. 783) и др.

Примеры составных обозначений, образованных из двух слов: *бадӧым ву* 'половодье' (УРС, с. 54), *вуканава* 'водосточная канава' (УРС, с. 277), *ву пыдэс* 'дно реки', *герзась ӧр* 'проток' (УРС, с. 503), *из выр* 'порог' (РУС, с. 773), *кӧльыё пыдэс* 'каменистое дно' (РУС, с. 347), *куасег азь* 'брод' (УРС, с. 339), *лазег инты* 'мель' (УРС, с. 253), *лазег шур* 'мелкая река' (РУС, с. 437), *мур ты* 'глубокое озеро' (УРС, с. 666), *пичи шур* 'ручей' (УРС,

с. 530, 783), *пукись ты* 'бессточное озеро', *таба пыдэс* 'ровное дно', *тудӧем ву* 'половодье' (УРС, с. 567), *тулыс ву* 'половодье' (РУС, с. 758), *ты дур* 'берег озера' (УРС, с. 191), *чошкыт пыдэс* 'ровное дно' и др.

Примеры составных обозначений, образованных из трех слов: *ву возён инты* 'водоем' (РУС, с. 105), *ву ул из* 'порог' (РУС, с. 773), *ог кошкись ву* 'стремнина' (РУС, с. 1081), *чутыръясъккыса кошкись шур* 'извилистая река' (РУС, с. 316), *шур вӧзьысь ты* 'пойменное озеро', *шурлэн кожон интыез* 'изгиб реки' (РУС, с. 317) и др.

Особенностью рассмотренных выше примеров является то, что они распространены только на территории проживания удмуртов, в других пермских языках употребляются совсем иные обозначения, ср.: удм. *ӧрты* 'старица' – кз. *важ ю сёртас* 'старица' (РКС, с. 930), кп. *арай* 'старица' (КПРС, с. 19), удм. *вувьжон* 'брод' – кз. *кебан* 'брод' (РКС, с. 58), кп. *ваын непыдын места* 'брод' (КПРС–РКПС, с. 149), удм. *лазег инты* 'мель' – кз. *ляпкыдӧн* 'мель' (КРК, с. 379), кп. *непыдын* 'мель' (КПРС, с. 271), удм. *мур ты* 'глубокое озеро' – кз. *джуджыд ты* 'глубокое озеро' (КРК, с. 175), кп. *пыдын ты* 'глубокое озеро' (КПРС, с. 499) и др.

Составной частью гидроландшафтной лексики удмуртского языка является иноязычный компонент. Он состоит из ранних и поздних заимствований. К числу ранних или древних гидронимов неисконного происхождения относится лишь одно слово, проникшее в прапермскую эпоху из иранских языков: удм. *зарезь* 'море' (УРС, с. 226), кз. *саридз* 'море' (КРК, с. 548), кп. *саридз* уст. 'южное море' (КПРС, с. 419) < общеп. **saršž*' < иранск., ср.: авест. *zrayah-*, др.-инд. *jŕ̥ayas* (*ž'áryas-*) (КЭСКЯ, с. 249). В удмуртском и коми-зырянском языках это древнее заимствование входит в активный словарный запас. В коми-пермяцком языке является устаревшим, вместо него широкое распространение получило русское слово *море* (КПРС, с. 253).

Группа поздних неисконных обозначений состоит из двух типов заимствований:

1) слова русского происхождения; 2) слова, проникшие из тюркских языков.

В составе гидроландшафтной лексики удмуртского языка русскими заимствованиями являются 8 слов:

бассейн ‘бассейн’ (УРС, с. 59) < рус., ср.: *бассейн* ‘совокупность притоков реки, озера и т. п., а также площадь стока поверхностных и подземных вод в водоем (реку, озеро, море)’ (СРЯ, т. 1, с. 64).

берег диал. ‘берег’ (УРС, с. 66) < рус., ср.: *берег* ‘край земли у водной поверхности’ (СРЯ, т. 1, с. 79);

водоём ‘водоем’ (УРС, с. 105) < рус., ср.: *водоём* ‘место скопления воды’ (СРЯ, т. 1, с. 193);

залив ‘залив’ (УРС, с. 225) < рус., ср.: *залив* ‘вдавшаяся в сушу часть океана, моря или озера’ (СРЯ, т. 1, с. 537);

канав ‘канав’ (УРС, с. 277) < рус., ср.: *канав* ‘неглубокий и неширокий ров’ (СРЯ, т. 2, с. 25);

канал ‘канал’ (УРС, с. 277) < рус., ср.: *канал* ‘наполненный водой искусственное русло, предназначенное для судоходной связи между отдельными реками, озерами и морями, а также для целей водоснабжения, отвода или стока воды’ (СРЯ, т. 2, с. 25);

косо ‘коса речная’ (УРС, с. 359) < рус., ср.: *коса* ‘длинная, узкая отмель, идущая от берега, или низменный узкий мыс’ (СРЯ, т. 2, с. 110);

пруд ‘пруд’ (УРС, с. 551) (см. выше).

Как свидетельствуют рассмотренные примеры, при их освоении носителями удмуртского языка каких-либо фонетических, морфологических и семантических изменений не произошло, за исключением слов *берег* и *косо*.

Группа тюркских заимствований в системе гидроландшафтной лексики удмуртского языка также занимает незначительное место – 5 слов:

зырганак диал. ‘канав’ (УРС, с. 247) < тюрк., ср.: тат. *ерганак* ‘промоина, рытвина, овражек’ (ТРС, с. 147);

тугай диал. ‘изгиб реки’ (УРС, с. 656) < тюрк., ср.: тат. *тугай* ‘извив, излучина реки’ (ТРС, с. 551);

чешме диал. ‘родник’ (УРС, с. 727) < тюрк., ср.: тат. *чешмә* ‘родник’ (ТРС, с. 639);

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>авест.</i>	–	авестийский язык
<i>башк.</i>	–	башкирский язык
<i>диал.</i>	–	диалектное слово
<i>др.-инд.</i>	–	древнеиндийский язык
<i>иранск.</i>	–	иранские языки
<i>кз.</i>	–	коми-зырянский язык
<i>кп.</i>	–	коми-пермяцкий язык
<i>общек.</i>	–	общекоми язык-основа
<i>общеп.</i>	–	общепермский язык-основа
<i>рус.</i>	–	русский язык
<i>тат.</i>	–	татарский язык
<i>тюрк.</i>	–	тюркские языки
<i>удм.</i>	–	удмуртский язык
<i>ур.</i>	–	уральский праязык
<i>уст.</i>	–	устаревшее слово
<i>ф.-п.</i>	–	финно-пермский праязык
<i>ф.-у.</i>	–	финно-угорский праязык
<i>Борисов,</i>		Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. 384 с.
<i>1991</i>	–	
<i>КЛРС</i>	–	Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985. 624 с.
<i>КЛР</i>	–	Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993. 288 с.
<i>КРК</i>	–	Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 816 с.
<i>КЭСКЯ</i>	–	Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
<i>РБС</i>	–	Русско-башкирский словарь. Москва, 1954. 600 с.
<i>РКС</i>	–	Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003. 1104 с.
<i>РТС</i>	–	Русско-татарский словарь / под ред. Ф. А. Ганиева. Москва, 1984. 736 с.
<i>РУС</i>	–	Русско-удмуртский словарь. Москва, 1956. 1360 с.
<i>СРЯ</i>	–	Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва, 1981. Т. 1. 689 с.; 1982. Т. 2. 736 с.; 1983. Т. 3. 752 с.
<i>Тараканов,</i>		Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993. 804 с.
<i>1993</i>	–	
<i>ТРС</i>	–	Татарско-русский словарь. Москва, 1966. 863 с.
<i>УРС</i>	–	Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с.
<i>ЭСУЯ</i>	–	Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск, 1988. 240 с.
<i>Rédei,</i>		Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988. Band 1–2. 906 s.
<i>1988</i>	–	
<i>Uotila,</i>		Uotila T. E. Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.
<i>T. E.</i>	–	

ыльгы диал. ‘канав’ (УРС, с. 791) < тюрк., ср.: тат. *өлге* ‘канав’, башк. *өлгө* ‘канав’ (Тараканов, 1993, с. 152);

яр ‘берег’ (Борисов, 1991, с. 369) < тюрк., ср.: тат. *яр* ‘берег’ (РТС, с. 36), башк. *яр* ‘берег’ (РБС, с. 33).

Как видно из рассмотренных выше примеров тюркского происхождения, только слово *яр* получило в удмуртском языке повсеместное распространение, остальные употребляются в диалектной речи.

Заключение

Следует отметить, что гидроландшафтная лексика удмуртского языка представляет собой самостоятельную лингвистическую систему со своим составом объектов номинации и предназначенным для их обозначения конкретным набором номинативных единиц. Данная отрасль основного словарного фонда имеет древние истоки, ее формирование и развитие происходило на важнейших этапах эволюции удмуртского языка: в прауральскую, прафинноугорскую и прапермскую эпоху, а также позднее, после расхождения с носителями коми языков. Исследование показало, что гидроландшафтная лексика характеризуется наличием в ее составе двух

различающихся по предметно-понятийному содержанию групп названий. Одна из них является системообразующей или доминантной, т. е. обозначающей основные типы находящихся на данной территории водных объектов. Вторая группа гидронимов, более многочисленная и разнообразная по составу, сосредоточена вокруг доминантных единиц и составляет по отношению к ним внутрисистемные разряды. Составной частью гидронимической лексики являются заимствования. Этот компонент начал складываться в общепермскую эпоху, о чем свидетельствует слово древнеиранского происхождения *зарезь* 'море'. Остальные неискожные слова являются поздними заимствованиями, имеющими русское или тюркское происхождение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Северно-русские говоры. Санкт-Петербург, 2018. Вып. 17. С. 107–122.
2. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 2. С. 252–261.

Поступила 03.04.2019, опубликована 16.12.2019

HYDRO-LANDSCAPE VOCABULARY OF THE UDMURT LANGUAGE

Anatoly N. Rakin,

*Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector,
Institute of Language, Literature and History, Komi Research Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Science
(Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru*

Introduction. Landscape vocabulary refers to the basic vocabulary of any natural language. It nominates both natural geographical and anthropogenic objects that have arisen as a result of human activity. In accordance with the substantial signs (water, land) as part of the landscape vocabulary, it is possible to distinguish two macrosystems, namely hydro-landscape vocabulary and the vocabulary of the land. Each of these components has its own internal structure, which differ from each other both by composition and quantitative indicators.

Materials and Methods. The subject of linguistic analysis in the article is the hydro-landscape vocabulary of the Udmurt language (239 items), which does not refer to the category of proper nouns. These are nominal words that can find in the dictionaries of general vocabulary. The paper employed comparative, historical, synchronously comparative, descriptive and statistical research methods.

Results and Discussion. Based on the subject-conceptual content of nominative units, two categories of hydronyms are distinguished and considered in the work. One of them is system-forming or dominant; it represents the designations of the main types of water bodies in a given territory. The second group is concentrated around the dominant units and acts in relation to them as intrasystem formations. The basis of hydro-landscape vocabulary of the Udmurt language are of primordial origin. Ancient layer of nominative units, consisting of proto-Uralic, proto-Finno-Ugrian, proto-Finno-Permian and proto-Permian words, has genetic correspondence in the Permian, and in the majority of modern Finno-Ugric languages. Later units appeared in the period of independent existence of the language, after its divergence with the closely related Komi-Zyryan and Komi-Permian languages. The beginning of the formation of a foreign-language component refers to the common-Permian epoch, most of the non-original names are late borrowings that penetrated from the Russian and Turkic languages. Other types of borrowings (Baltic-Finnish, Ob-Ugrian, Samoyed) are not available here.

Conclusion. The formation and development of the hydro-landscape vocabulary of the Udmurt language took place for many millennia on the basis of internal resources. Ancient Iranian, Turkic and Russian languages served as external sources of its replenishment.

Key words: the Udmurt language; vocabulary; hydro-landscape items; original fund, borrowings.

For citation: Rakin AN. Hydro-landscape vocabulary of the Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugic World. 2019; 11; 3: 268–276. (In Russian)

REFERENCES

1. Rakin AN. Hydro-landscape vocabulary of the Komi language. Severno-russkie govoru North Russian dialects. Sankt-Peterburg; 2018; 17: 107–122. (In Russian)
2. Rakin AN. Hydro-landscape vocabulary of the Komi-Permian language. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Mari State University. 2019; 13; 2: 252–261. (In Russian)

Submitted 03.04.2019, published 16.12.2019